

Лосев: цельный, религиозно-монархический консерватизм. (Очерки консервативной мысли в СССР)

Аннотация. В статье рассматривается биография и идеи Алексея Фёдоровича Лосева — последнего классического философа Серебряного века, создавшего систему православного неоплатонизма. Лосеву принадлежит также учение об истории, где он использует термины «формация», «феодализм», «капитализм», «социализм», «анархия», но в своём специфичном смысле, отличном от марксистского. Основа лосевских «формаций» — миф в той трактовке, которую вносит в этот термин Лосев. Феодализм — эпоха господства теократического мифа, и это высшая точка развития человечества согласно православному консерватору-монархисту Лосеву. При капитализме абсолютизируется индивидуальная человеческая личность, при социализме — труд и трудовой коллектив, при анархии наступает «ад на земле». Однако социализм, будучи антитезисом капитализма, по-своему, искажённо повторяет авторитарность феодализма, что не может не вызвать к нему некоторой симпатии философа при отрицательной в целом его оценке.

Таковы взгляды молодого Лосева, когда он смело критиковал социализм с религиозно-консервативных позиций и, видимо, ещё надеялся на возрождение феодализма. С 1930-х годов позиция Лосева меняется. Он отчасти «примиряется» с Советской властью (сознавая её негативные стороны), подчёркивает

положительные моменты социализма. На наш взгляд, причина этого — понимание того, что теперь возврат возможен лишь к капитализму и либерализму, то есть к мецанству, к которому Лосев был всегда настроен непримиримо.

Ключевые слова: А. Ф. Лосев, философия истории, феодализм, капитализм, социализм, анархия, авторитаризм, советский консерватизм

Для цитирования: Вахитов Р. Р. Лосев: цельный, религиозно-монархический консерватизм. (Очерки консервативной мысли в СССР) // Ортодоксия. — 2022. — № 4. — С. 52–76. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-52-76

БИОГРАФИЯ

Алексей Фёдорович Лосев (1893–1988) — философ и эстетик, которого называют последним представителем Серебряного века. Он получил образование ещё в императорской России, в молодости лично знал Бердяева, Булгакова, Флоренского, а закончил свои дни в Москве времён горбачёвской перестройки, старым профессором, окружённым почтительными учениками, став связующим звеном между дореволюционной и позднесоветской интеллигенцией.

Родился он 10 (23) сентября 1893 года в Новочеркасске, области войска Донского¹. Воспитывала его мать — Наталия Алексеевна (отец рано покинул семью), женщина набожная, воцерковлённая. Она была дочерью протоирея собора Михаила-Архангела в Новочеркасске, священника Алексея Полякова (дед и крестил тёзку-внука в соборе, где служил). Глубокая православная религиозность была привита Лосеву с детства матерью и дедом, и он пронёс её через всю жизнь. В Новочеркасской гимназии, где Лосев учился, он полюбил античную культуру и философию Владимира Сергеевича Соловьёва и также пронёс эти две любви через всю жизнь. В 1911 году Лосев поступил в Московский императорский университет сразу на два отделения — философское и классической филологии. По окончании их недолго стажировался в Берлине. Продолжению стажировки помешала начавшаяся Первая мировая война. Вернувшись в Россию,

¹ См. подробную биографию Лосева (Тахо-Годи 2007).

занимался наукой, посещал Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва, Психологическое общество Г. И. Челпанова и позднее — знаменитую Вольфилу, образованную Н. А. Бердяевым. Уже тогда начали формироваться его взгляды как религиозного философа, сторонника православного неоплатонизма, но при этом преломлённые через философию Гегеля и Гуссерля, а в области богословия — как сторонника имяславия и исихазма. В годы гражданской войны Лосев преподавал классическую филологию в Нижегородском университете, с 1922 по 1929 год — эстетику в Московской консерватории. В 1922 году он женился на Валентине Михайловне Соколовой (1897–1954) — астрономе и математике, при этом разделявшей философские и богословские взгляды мужа. Их венчал в Сергиевом Посаде священник, богослов и философ Павел Флоренский (1882–1937).

Дом Лосевых на Старом Арбате превратился в один из центров подпольной религиозно-философской мысли раннесоветской Москвы. Там проходили заседания кружка, где читались доклады о платонизме, имяславии, богословии Отцов Церкви и т. д. Участником кружка был Михаил Новосёлов (1864–1938) (будущий мученик, впоследствии за веру расстрелянный в тюрьме). Пользуясь некоторыми свободами, бывшими в эпоху НЭПа, Лосев выпустил в 1920-е годы за свой счёт 8 философских трудов, посвящённых темам античной философии и культуры, эстетике, музыке, философии математики и мифу (так называемое первое восьмикнижие). В 1929 году Лосев с супругой тайно приняли монашество в миру (он — под именем Андроника, она — Афанасии). Постриг совершил их духовный наставник — архимандрит Давид Мухранов (1847–1931). Это был афонский старец, высланный в 1913 году с Афона за имяславие. В 1914 году по указанию императора Николая Второго и обер-прокурора Саблера ему был возвращён монашеский сан и разрешено священнодействие. В советские годы отец Давид участвовал в работе нелегального православного кружка, куда входили супруги Лосевы, отец Павел Флоренский, П. С. Попов, М. А. Новосёлов, Д. Ф. Егоров (директор института механики и математики МГУ в 1923–1930 годах). Под влиянием священника Павла Флоренского отец Давид пытался примирить имяславцев с церковной властью.

В 1930 году Лосев выпустил последнюю книгу «восьмикнижия» — «Диалектику мифа», куда он вопреки цензуре в последний момент по благословению о. Давида вставил «куски» антикоммунистического

характера. В результате 4 апреля 1930 года (это была Страстная пятница) Лосева арестовали работники ОГПУ. Позже была арестована и его супруга и соратница (в 1931 году, на следующий день после похорон о. Давида). Советские спецслужбы выставили философа как идеолога некоей монархической организации «Истинно-Православная Церковь», которая не признала знаменитой декларации митрополита Сергия (Старгородского) о Советской власти и встала на антисоветские позиции.

Лосев не скрывал своих черносотенных, монархических взглядов. Он действительно был антисергианцем (приняв сторону другого местоблюстителя патриаршего престола — митрополита Петра (Полянского), позже — священномученика). Он даже был причастен к написанию писем в антисергианском и антисоветском духе. Но его пытались изобразить и как разжигателя терактов и восстаний, что было клеветой (в 1994 году, после его смерти, дело было вновь рассмотрено ФСБ РФ и была признана необоснованность политических обвинений).

Однако тогда, в 1931-м, после года тюрьмы, Лосева осудили, дали 10 лет лагерей. Его ждала каторжная работа на Беломорканале, унёсшая здоровье (от стояния в холодной воде Лосев заработал хронический ревматизм, а от писания нарядов в плохо освещённом бараке он стал слепнуть). Лосева и его жену освободили по состоянию здоровья в 1932-м (в результате заступничества жены М. Горького Екатерины Пешковой (1876–1965)²), но взяли с него подписку, что он не будет писать философские работы.

Он начинает заниматься историей эстетики, переводит с древнегреческого. Однако до смерти Сталина ему так и не удалось напечатать ни одной строки. Лосев пишет «в стол» — философские сочинения, эстетические труды, стихи, философские диалоги и романы. В силу запрета преподавать в Москве выезжает в 30-е годы для работы в вузах Куйбышева (Самары), Чебоксар и Полтавы. В 1942 году ему разрешили преподавать на философском факультете МГУ. В 1943 году он получил учёную степень доктора филологических наук по совокупности публикаций, без защиты диссертации. Через год, по доносу, где он обвинялся в идеализме, Лосев был уволен из МГУ. С 1944 года и до смерти

² В это трудно поверить, но стараниями Е. Пешковой и её соратников в СССР в 1920–1930-е годы действовало «Общество помощи политическим заключённым» («Политический Красный крест»). Власти закрыли его лишь в разгар Большого террора, в 1938 году.

преподавал древнегреческий язык и античную эстетику в Московском пединституте (сначала студентам, а после 1966-го — аспирантам).

Лосев стал активно публиковаться после смерти Сталина. С 1953 по 1988 год он выпустил около 500 научных трудов по философии, истории философии, антиковедению, эстетике, филологии (при этом, будучи уже почти полностью слепым, книги надиктовывал секретарям). В 1960–1980-е годы написал и опубликовал восьмитомную «Историю античной эстетики» («второе восьмикнижие»).

В поздних трудах Лосев много ссыался на Маркса, Энгельса и Ленина, использовал методы марксистского анализа при изучении античной культуры. В результате этого многие «диссидентствующие» стали обвинять его в отходе от позиций молодости и в переходе к марксизму. Однако опубликованные теперь его частные беседы с философом Бибихиным (тогда его секретарём и учеником) показывают: Лосев и в старости остался религиозным мыслителем, отвергал материализм, хотя и ценил марксизм, видя в нём определённую эвристическую ценность благодаря его «диалектической струе». На изменение отношения к марксизму, возможно, повлиял Михаил Лифшиц — выдающийся советский философ-марксист и эстетик (и друг Георга Лукача). Лосев много общался с Лифшицем в 1930-е годы, когда Лифшиц надеялся издать эстетические рукописи Лосева, и, по собственному признанию философа-идеалиста, кое-чему у него учился.

С 1960-х годов около Лосева образовался круг учеников, увлекавшихся древней и религиозной философией, — В. В. Бибахин, А. В. Михайлов, С. С. Аверинцев и др. После смерти В. М. Соколовой-Лосевой в 1954 году соратницей и помощницей философа стала филолог Аза Алибековна Тахо-Годи.

В конце жизни Лосев перестал скрывать перед близкими свою приверженность к православию и имяславию. До последних дней он носил в знак тайного монашества скуфейку, которую несведущие принимали за чёрную «академическую шапочку» чудаковатого профессора. Он знал наизусть множество молитв, был строгим постником. В церковь по инвалидности (почти полная слепота) и опасаясь доносов (за это вплоть до 80-х годов преподавателя вуза вполне могли уволить) он не ходил³, но причащался и исповедовался на дому, приглашая знакомых священников. По свидетельству А. А. Тахо-Годи, в последние годы его окормлял

³ Правда, существует ещё мнение, что Лосев не ходил в церковь из-за своего антисергианства.

о. Василий, настоятель храма Воскресения Словущего на Иерусалимском подворье Москвы⁴.

Умер Алексей Фёдорович Лосев 24 мая 1988 года, в день славянских просветителей Кирилла и Мефодия. До последних своих часов он работал, надиктовывал статью к празднику славянской письменности.

На надгробии Лосева на Ваганьковском кладбище выбиты слова из 53-го псалма: «Во имя Твое спаси мя».

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ «РАННЕГО ЛОСЕВА». ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Как уже говорилось, Лосев в молодости был радикальным черносотенным клерикалом и консерватором. Теоретической опорой его консерватизма стала его концепция философии истории, вытекающая из его общефилософских идей⁵. Специального труда, где бы она излагалась подробно и систематически, философ не оставил⁶. Фрагментарно она представлена в главе «Социальная природа платонизма» из «Очерков античного символизма и мифологии», в знаменитом «Дополнении к “«Диалектике мифа”», за которое Лосев и попал в тюрьму, а также в работе начала 30-х годов «История эстетических учений», которая была опубликована лишь после его смерти. Концепция эта сложная, не лишённая острых моментов⁷, по поводу которых сейчас идут ожесточённые споры. К тому же она изложена в полемической форме⁸, что тоже не способствует её спокойному и объективному обсуждению.

Концепция эта создавалась как антитеза марксистской философии истории. В то же время она использует некоторые термины марксизма, а также диалектический метод, правда, отличный от марксистского

⁴ Егорцев А. Неизвестный Лосев — интервью с философом. — Православие и мир. — 2005. — 20 октября. — URL: <https://www.pravmir.ru/neizvestnyj-losev/> (дата обращения: 20.12.2021).

⁵ В этой статье у нас нет возможности излагать его идеи, к тому же уже существует множество добротных обзоров такого рода. См., напр., статью «Лосев» в «Большой российской энциклопедии», авторы — В. П. Троицкий и Ю. Н. Попов.

⁶ Обзоры философии истории Лосева см. в статьях: Бойко (1999), Даренский (2019), Циплаков Г. М. (2001) и др.

⁷ Философский анализ иудаизма в «Дополнении» послужил почвой для обвинения философа в антисемитизме, что, однако, отрицают представители его школы.

⁸ Молодой Лосев использует по отношению к некоторым неправославным учениям термин «сатанизм».

и даже гегелевского, восходящий к неоплатонизму. Последнее не всегда понятно для читателя — не философа по специальности. Попытаемся обрисовать её кратко, по существу, даже, увы, несколько упрощённо, при этом сознательно отвлекаясь от оценочных моментов.

При членении исторического процесса Лосев оперирует понятиями «тип общества» и «формация». Более того, он называет некоторые формации так же, как и марксисты, — рабовладение, феодализм, капитализм, социализм (вот только после социализма у него идёт не коммунизм, а анархия, но это то же самое, только не столь идеализируемое). Более того, Лосев не отрицает, что история человечества может быть представлена как чередование этих формаций (от первобытнообщинной до анархической), причём одна следует за другой в соответствии с некоторой логикой. Разумеется, Лосев понимает, что это — идеальные модели и что формационное понимание истории — диалектическое самораскрытие категорий. В реальной эмпирической истории эти модели и их диалектика воплощаются неизбежно частично и с отклонениями.

Однако у Маркса и его последователей формации отличаются друг от друга способом производства, совокупностью производительных сил и производственных отношений, и, кроме того, для марксистов история — это прогресс, восхождение от низших ступеней к высшей. Лосев тоже признаёт наличие у формаций специфики в области экономики, но не это его интересует в первую очередь, да и не это у него главное. Лосев доказывает, что люди вовсе не всегда и не во всём стремятся лишь к экономической выгоде. Лучшие, мыслящие представители действующих в истории классов стремятся не к деньгам и не к тому, чтобы угодить «сильным мира сего», а к истине, во всяком случае, как они её понимают. И именно такие люди двигают вперёд человеческий разум и общество, а не разного рода сикофанты⁹. Итак, в философии истории ранний Лосев — исторический идеалист. По его мнению, идеи, сознание первично, а материальное бытие вторично, подчиняется этим идеям. Однако здесь нужно сделать оговорку. Лосев — диалектик и поэтому признаёт обратное влияние производства на идеологию (конечно, не непосредственное). Помимо этого, Лосева сближает с марксизмом признание структурного сходства «общественного бытия» и «общественного сознания».

⁹ Кстати, Лосев показывает, что это отчасти понимали и умные марксисты вроде Плеханова. Фраза о сикофантах взята Лосевым из работы Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которую Лосев цитирует в «Дополнении к "Диалектике мифа"».

Но нельзя забывать о том, что формационная теория Лосева в отличие от марксистской — не прогрессистская, а регрессистская. Совершенная, высшая в истории формация, по Лосеву, — феодализм, средневековый строй, где Церковь едина с государством и обществом и направляет их развитие¹⁰. Все остальные формации — падение по отношению к этому идеалу. История, по Лосеву, — не прогресс, а регресс. Она действительно закончится коммунизмом (то есть анархизмом), но это будет общество хаоса, анархии, последние времена, непосредственно предшествующие приходу антихриста.

Итак, начнём рассмотрение философии истории Лосева с феодализма. Знакоков творчества Лосева это может удивить. Ведь Алексей Фёдорович значительное внимание уделял предшествующей, рабовладельческой формации, в которой видел предтечу христианского средневекового мира (одной из опор которого была античная культура). Писал он также о первобытной, «родовой» формации как предтече Античности. Но мы не ставили перед собой задачу полного описания историософии Лосева. Мы говорим о нём как о мыслителе-консерваторе, а в этом случае важно рассмотреть его социальный идеал — средневековую, христианскую культуру и цивилизацию.

ФЕОДАЛИЗМ — ВЕРШИНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Как уже говорилось, каждая формация, по Лосеву, характерна тем, что люди, составляющие её, стремятся к истине, как они её понимают. Истина, к которой стремились лучшие представители феодального общества, — это истина христианства, это «Церковь и послушание ей» (Лосев 2022: 308). Лосев пишет: «Тайна векового крепостного права есть тайна послушания и отказа от своей воли, во имя спасения души, через послушание истине, идеей и душой крепостного права является не эксплуатация трудящихся, но спасение души и церковные догматы» (Лосев 2022: 308). И добавляет: «...Крепостничество есть вовсе не то, что клеветают на него либералы всех стран и народов» (Лосев 2022: 308).

Это значит, что даже экономика при феодализме подчинена установкам христианства. Согласно христианству, главное для человека — спасти душу. Человек Средневековья, в отличие от человека Античности,

¹⁰ См. об этом работу: (Даренский 2019).

в полной мере ощущает себя личностью. Поэтому средневековому человеку «вещи... нужны не сами по себе... но лишь постольку... поскольку они нужны ему для спасения души...» (Лосев 2022: 309). Поэтому и производство здесь направлено лишь на то, чтобы обеспечить базовые потребности и создать условия для раскрытия его духовной глубины, спасения личности человека. Для этого, по Лосеву, наилучшим образом подходит ремесло. «Только в ремесле человек действует как полная личность», — утверждает философ (Лосев 2022: 309). Ремесленник, в отличие от мануфактурного рабочего, делает вещь с начала до конца, а значит, в ней он выражает сам себя, свою личность. В Античности и Средневековье ремесло и искусство обозначали даже одним словом (*ars* по латыни и *téchnē* по-гречески).

Важно и то, что средневековая, феодальная экономика не знает конкуренции, потому что её целью не является нажива. Наоборот, люди здесь помогают друг другу, делятся сырьём, прибылью, выручают других в случае болезни, смерти кормильца. Производители здесь объединены в союзы взаимопомощи (ремесленники и торговцы — в гильдии, крестьяне — в общины).

Из того, что главной целью средневекового общества является воплощение истины христианства, вытекает и его политическое строение. Лучшее общество — не то, где люди могут обогащаться, жить в комфорте, самодовольстве, а то, где они готовятся к смерти и Страшному суду, дабы они попали в рай, а не в ад. Для этого нужна Церковь. Итак, лучшее общество, по Лосеву, — это средневековая христианская теократия, где правят священники и монахи — духовное сословие. Прообраз такого общества рисовался гению Платона, только мудрый афинянин называл правителей-старцев, прозревающих умом божественное предназначение каждой вещи, философами, а строй теократии — Философополисом. Платон же предупреждал, что правители не должны иметь собственности, личного хозяйства, семей и детей, дабы заботиться обо всех членах общества и об общем хозяйстве. В Средневековье реализовано и это требование Платона: обществом правят монахи, дающие обет безбрачия и обет нестяжания.

Итак, феодальное, средневековое общество — высший тип общества из всех, какие бывали и будут на Земле. Низший класс производителей, обеспечивающих себя и всё общество материальными благами, в нём составляют крестьяне и ремесленники, объединённые в трудовые общины. Высший класс, т. е. идеологов, задающих духовные ориентиры, — монахи

и священники, духовенство, объединённое в приходские и монастырские общины, в Церковь. А кто же осуществляет политическую власть? Монахи и священники ведь не могут опускаться до насилия, их метод — вразумление, беседы, в крайнем случае — церковные наказания, епитимьи. Но без насилия не бывает государства; насилие нужно, чтоб отражать удары внешних врагов, чтоб поддерживать порядок в обществе. Это предназначение аристократии, воинского сословия. Феодалное общество не просто теократическое и ремесленно-крестьянское, но и аристократическое общество. Идея аристократии так же логично вытекает из его сути, как идея ремесла или Церкви. Эта аристократия — «рыцари», «у которых неземные идеалы и уводящая в мистическую даль жажда подвигов» (Лосев 2022: 305). Они тоже по-своему служат идее христианства.

Необходимо подчеркнуть, что человек феодализма, Средневековья — не индивидуалист, он обязательно член какой-нибудь общины. В случае третьего производительного сословия это трудовая община, в случае первого, духовного — церковная община (в которую, конечно, входят и представители других сословий). В случае аристократии — это родовая община, ведь аристократ представляет свой род, служит ему, стремясь не посрамить предков. Но коллективизм феодализма отличается от коллективизма социализма. В первом случае человек — часть коллектива, но коллектив не поглощает и не нивелирует его личность. Для феодализма свойственна соборность, которая есть синтез индивида и коллектива. Коллектив здесь сам, так сказать, многочеловеческая личность, состоящая из отдельных людей-личностей. Они взаимно дополняют друг друга, находятся в отношениях гармонии, симфонии. В случае социализма же, по Лосеву, личность человека исчезает, стирается, человек не ощущает себя личностью и не должен ощущать себя таковым под страхом наказания, он только — часть коллектива.

Но перед социализмом есть ещё и капитализм. Лосев — диалектик и применяет гегелевскую формулу «тезис-антитезис-синтез» к истории. Если феодализм — это тезис, то развитие человеческого общества ведёт его к антитезису — капитализму и либерализму.

КАПИТАЛИЗМ КАК ОТРИЦАНИЕ ФЕОДАЛИЗМА

В основе феодализма лежала идея соборности. Личность человека включалась в коллективную личность общества и его сегментов,

но оставалась при этом сама собой — человеческой личностью. Все личности, общество как таковое исповедовали теоцентрическое мировоззрение, то есть служили Богу как Абсолютной Личности.

Капитализм основан на антропоцентрическом мировоззрении. Здесь на место Бога поставлен человек. Человек здесь мыслится как личность и как абсолютная ценность, а коллектив лишён личности, равно как и природа. Более того, суть мировоззрения эпохи капитализма — прямое богоборчество, отрицание Бога (ибо высшая степень ненависти выражается в отрицании бытия, говорим же мы: «Ты для меня больше не существуешь!»). Человек здесь воспринимается как Бог и центр мира. «Уничтоживши Абсолют или желая стать на его место, европейский либерал хочет сам стать бесконечными и вечным...» (Лосев 2022: 285) — пишет Лосев о либерально-буржуазном человеке.

И недаром именно капиталистический Запад является единственной из цивилизаций мира, породившей философию субъективного идеализма, суть которой в утверждении: не Бог, а человек создал мир творческим усилием своего сознания. Для человека Античности, Средневековья, равно как и для человека социалистической формации или мировоззрения (вспомним яростные и ехидные нападки Ленина на Богданова), такие заявления — бред и чушь. Правда, античный и социалистический человек не верили в Бога, существующего вне мира и творящего природу и человека, но существование природы для них было самоочевидной истиной, не требующей никаких доказательств. Человек капитализма своим сомнением как бы разъедает природу, высасывает из неё жизнь, превращает объективный мир в иллюзию, схему, в механизм: «Если всё содержание мифа вобрано в субъект, то на объект ничего и не остаётся, кроме гипостазированных и пустых мёртвых схем» (Лосев 2022: 263). Точно так же и образ Бога он превращает либо в лучшем случае в действующего «часовщика», сотворившего и запустившего «часы Вселенной» и устранившегося ото всего, либо вовсе в ничто. Зато человеческое Я, по мере того как в этой картине мира природа и Бог истончаются и становятся абстракциями, наполняется жизнью, сложнейшим и глубочайшим бытием и заполняет собой всё.

Вспомним, что, по Лосеву, человек феодализма заботился лишь о спасении души и всё — от экономики до искусства — подчинял этой заботе. Человек эпохи капитализма заботится о развитии, углублении, расширении человеческой личности. В центре здесь — возвышенная, духовная,

развитая личность, гений. Ей противостоит косная, бездушная, инертная среда — толпа. В искусстве, таким образом, капитализм порождает концепцию романтизма, воспевающую героя, который терпит удары со стороны недостойной его толпы, противостоит ей и морально побеждает её, даже если она формально взяла верх. Тут нельзя не вспомнить стихи Байрона и Новалиса, музыку Бетховена и подобные же творения других деятелей новоевропейской культуры.

Но если мы бросим взгляд на экономику капитализма, то есть собственно на капитализм в узком смысле, то мы увидим ту же схему, только на другом, экономическом материале. Вспомните либеральное, апологетическое изображение капитализма, то есть фактически его самопрезентацию, граничащую с самовосхвалением. Тут тоже есть герой — предприниматель, бизнесмен, человек дела, инициативный и эффективный собственник, создатель инноваций, и есть толпа — рабочие, пролетарии, якобы ни на что не годные, кроме тупого, изматывающего физического труда, потому что они ведь не проявили инициативу, не выдвинули инновацию, не стали предпринимателями. Они мыслятся просто как детали машины производства, и они — действительно приделки реальных машин, на которых стоит капиталистическое производство, потому что ему нужно производить как можно больше товаров — не для удовлетворения потребностей участников производства, а на продажу. Машина в эпоху капитализма вообще превращается в универсальный символ: природа — машина, которым управляет живая творческая личность (сначала в этой роли — деистический Бог, а потом — сознание человека). Государство — это машина. Ей управляют также творческие личности, они же — буржуа, предприниматели, составляющие буржуазное (у нас это слово переводят — гражданское) общество. Собственно, вся эта либеральная демократия есть не что иное, как пошлейший романтизм в политике — простые люди понимаются как толпа, электорат, годные лишь отдать свой голос, а управляют государствами активные личности-политики-профессионалы (при этом тайно или явно связанные с «активными личностями» из сферы бизнеса).

Венчает же эту череду воплощений романтической схемы взгляд на историю как на нечто, что творится героями, повелевающими послушной и пассивной толпой. В мировоззрении национализма, которое насквозь буржуазно и порождено капитализмом, роль героев выполняют «исторические народы», конкурирующие между собой, как капиталисты

в экономике, но одинаково властвующие над народами «неисторическими», чьё предназначение — быть навозом, помогающим росту и процветанию «исторических наций».

С богоборческим антропоцентризмом связана и теория прогресса, которой не было в Античности и в Средневековье¹¹. Для человека капитализма смысл жизни — совершенствование человеческой личности, её духа, условий её материального существования. Поскольку жизни одного человека для этого мало, речь идёт об уходящем в бесконечность совершенствовании. Человек не может стать абсолютом, и поэтому перед нами дурная бесконечность. Теория прогресса — это теория бесконечного совершенствования человека, движения его к недостижимому идеалу, абсолюту в образе Человека. Она, между прочим, напоминает главную тенденцию в экономике капитализма — стремление капитала к бесконечному росту, никогда не насыщаемое и потому тоже уходящее в дурную бесконечность.

Таково общество капитализма и его мифология. Но история не может остановиться на капитализме.

СОЦИАЛИЗМ КАК ОТРИЦАНИЕ КАПИТАЛИЗМА И ЧАСТИЧНОЕ ПОВТОРЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА НА НОВОЙ СТАДИИ

Антитезисом капитализма является социализм. Личность при капитализме исчерпывает возможности дальнейшего углубления и развития. Эпоха господства либерализма и индивидуализма заканчивается. Снова начинается эпоха авторитаризма и коллективизма, но совсем непохожая на старый, феодальный авторитаризм и коллективизм (и на коллективизм Античности).

В Античности базовый для общества коллектив это — род, природное начало в человеке, и только такой коллективизм и возможен для того, кто мыслит себя всего лишь частью природы, живёт мифом космоцентризма. При феодализме высший образец коллектива — Церковь, многочеловеческая симфоническая личность, имеющая своим

¹¹ Точнее, в средневековом мировоззрении прогресс есть, но он — в Церкви, в Граде Божьем, который прирастает благодатью, новыми святыми, а в истории, в Граде земном всё иначе. Мир греха вырождается, катится к последним временам.

основанием Божество-Абсолют. При социализме же базовый коллектив — трудовой, производственный коллектив.

Общество не может вернуться ни к природному Абсолюту, космосу, ни к Божественному Абсолюту и не может продолжать считать Абсолютом человека. Оно сохраняет антихристианский и антицерковный настрой капитализма, но уже не идеализирует индивида, не переносит на него атрибуты Бога, не видит в нём творческое начало. Теперь Абсолют — это материальное производство. «Производство — вот тот новый абсолют, который призван заменить либерально-гуманистического субъекта», — пишет Лосев (Лосев 2022: 300). Роль Бога при этом выполняет «производительный класс», рабочие, пролетариат: «Производящий класс вечен, всеправеден, всемогущ, вездесущ, вседозволен, неизменяем, всеблаженен и т. д., и т. п.» (Лосев 2022: 300).

Господствующая идеология социалистического общества — трудобожие. Труд, материальное производство, как выражаются марксисты, или «экономическая жизнь», как выражается Лосев, здесь — магическая сила, которая из животного творит человека, которая закоренелого преступника-уголовника превращает в добродетельного члена общества. Она также преобразует природу, превращая её в прекрасный храм культуры. Лосев так описывает мифологию социалистического общества: «Экономическая жизнь творит таинства, чудеса. Она есть... утешение и спасение. ...производство спасёт и украсит нашу жизнь, осчастливит и преобразит человека, принесёт мир на землю и даст подлинное “благоволение”. Не будет страданий, скорбей, болезней... Человек будет... искуплен... все будут как боги» (Лосев 2022: 260).

Как видим, труд для человека социализма (который хоть и атеист на словах, но, как и христиане, горит стремлением к искуплению, только совсем нехристианским!) заменяет здесь духовный подвиг, путь в Царство Божие и само Царство Божие. Труд здесь — Абсолют, поэтому его ничто не должно ограничивать, следовательно, он должен быть свободным (вспомним, что первая российская марксистская группа называлась «Освобождение труда»). Труд не может служить чему-либо внешнему и тем более таким низменным целям, как стремление буржуа обогатиться. Труд здесь не может служить даже просто для целей пропитания, как гласит Библия и как было в обществе феодализма. Пропитание социалистическое общество обязано предоставить своим членам априори, пусть хоть по самому минимуму. А трудятся здесь... ради самого труда,

находя в этом радость и даже своего рода экстаз, называемый энтузиазмом, что есть отдалённый суррогат мистических восторгов.

Но свобода труда вовсе не означает свободу работника-индивида. Лосев отмечает, что при социализме «личность свободна только тогда, когда она всецело служит пролетариату» (Лосев 2022: 350). Здесь тоже — параллель со Средневековьем. Вспомним, что Августин Блаженный утверждал, что по-настоящему свободен только тот, кто добровольно подчинится воле Божьей. В социалистическом обществе все, как и при феодализме, несвободны, все служат — только не Богу, не царю, не Церкви, а труду, его носителю — рабочему классу и выразителям его воли — рабочей партии, рабочему государству. И философия здесь тоже служанка (впрочем, как и искусство), только не богословия и не Церкви, как при феодализме, а рабочего класса и его партии. «Перед производственной жизнью должна смолкнуть всякая “свобода” науки и искусств, всякая “свобода вероисповедания”, — описывает социализм Лосев, — всякая личная жизнь и интересы субъекта» (Лосев 2022: 300).

Лосеву смешны либеральные критики социализма. Они обвиняют социализм в том, что он заставлял замолкать, затыкал рты гениям искусства и философии, бросал их в тюрьмы и лагеря, даже расстреливал. Они не понимают, что с точки зрения логики самого социализма здесь ничего из ряда вон выходящего нет. Более того, это логично и с точки зрения феодального мировоззрения, и здесь социализм проявляет черты «здорового авторитаризма», повторяя на новой ступени черты феодального общества. «...если бы средневековое мировоззрение было бы покрепче, оно никогда бы не допустило свободных наук и искусств. Науки, искусства, философия — не только слуги богословия, но и слуги всякого твёрдого режима. Пролетарское государство, например, никак не может и не должно допускать существования свободного искусства и свободной науки», — заявляет Лосев в «Социальной природе платонизма» (Лосев 1993: 837). Действительно, если вдуматься, гений с позиций социалистического мировоззрения — духовный буржуй. Это человек, который возомнил, что это он — единоличный создатель выдающегося философского учения, литературного произведения, тогда как он лишь присвоил «собственность» «народа-языкотворца» (В. В. Маяковский) или, в случае философии, — «мыслетворца». Претензии гения на обладание высшей Истиной для социалиста смешны, как смешны они для средневекового богослова, который убеждён:

не может человеческий индивид сам, без помощи Бога и коллективного разума Церкви, прийти к Истине. Только для партийного коммуниста, человека общества социализма источником высшей Истины являются, конечно, не Бог и Церковь, а рабочий класс и партия.

Лосев, безусловно, осуждает социализм как антихристианскую, безбожную формацию. Он даже пишет: «...либерализм есть только частичное нападение на Бога. Полное отпадение и, следовательно, нападение есть социализм» (Лосев 2022: 348).

Но трудно не заметить, что, в отличие от капитализма, социализм кое в чём и импонирует суровому философу-монаху — своей иерархичностью, пронизанностью принципом служения, авторитаризмом, стремлением ограничить человеческое эго, развёрнутое либерализмом, которое внушало нам соблазнительные мифы о том, что человек — центр мироздания и высшее, самодостаточное существо...

АНАРХИЯ КАК ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА И «АД НА ЗЕМЛЕ»

Но социализм не есть последнее слово истории. В конце концов он тоже рухнет и ему на место придёт анархия (которая у марксистов называется коммунизм), то есть безгосударственный строй, где удовлетворяются все потребности человеческого субъекта. Согласно учению коммунистов, социализм есть всего лишь первая стадия коммунизма, его начало. Как видим, по Лосеву всё совершенно иначе: анархия противостоит социализму, как социализм — либеральному капитализму, а капитализм — теократическому феодализму. Анархия — своего рода возвращение к индивидуализму, субъективизму и гуманизму капитализма, но на новом уровне. Отвергнув государство, она отвергает авторитаризм и иерархию и снова провозглашает полнейшую свободу человеческой личности. Анархизм наступает, когда развитие науки и техники достигает такого высокого уровня, что позволяет удовлетворить каждое желание, каждый пусть даже порочный каприз человеческого субъекта.

Лосев предсказывает, что при анархизме можно будет в одно мгновение оказаться в любом месте земного шара, при помощи особых приборов видеть не только всё в настоящем, но даже прошлые эпохи. Можно будет уничтожать на расстоянии целые города, летать на Луну,

читать мысли по «внутри мозговым процессам», «химически» воскрешать мёртвых, «творить чудеса при помощи знания физики, механики и химии» (Лосев 2022: 396). При социализме была ещё «авторитарная система мысли» (Лосев 2022: 397), пусть и ложная по содержанию своему, некий остаток твёрдого неизменного бытия, напоминающий о торжестве феодальной теократии. При анархизме всё превращается в «сплошную, нерасчленённую, абсолютно иррациональную массу человеческих влечений, поступков, мыслей» (Лосев 2022: 397). Анархизм — победа алогичного становления, хаоса, полнейшего отпадения от Бога, Который и есть высшее бытие. Анархизм — это «ад на земле», последние времена, предсказанные в Библии, царство антихриста, когда последние христиане будут скрываться в горах и ждать уже скорого Второго пришествия Иисуса Христа (Лосев 2022: 405–406).

Но анархия — это отдалённое будущее человечества. В XX веке, по Лосеву, только начинает умирать капиталистическая формация, и мы наблюдаем судороги рождения мирового социализма.

ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛИЗМУ У ЗРЕЛОГО И ПОЗДНЕГО ЛОСЕВА

Можно не сомневаться, что в молодости Лосев был принципиальным противником социализма с позиций цельного, религиозно-монархического консервативного мировоззрения. Молодой Лосев даже по-своему боролся с социализмом, разумеется, не террористически-диверсионными средствами, в чём его подозревали советские спецслужбы, а как идеолог черносотенства и имяславия. Он был полон веры в то, что «колесо истории» ещё можно повернуть вспять и, по крайней мере, Россия ещё может вернуться к любимым им феодализму и теократии. Но уже после выхода из заключения его взгляды на советский строй заметно меняются¹². Это получило отражение в философских диалогах и повестях, которые Лосев писал в 1930-е годы¹³. Причём писал он их безо всякой надежды на напечатание, «в стол», поэтому, очевидно, ему не было нужды что-либо скрывать или, наоборот, добавлять из цензурных соображений.

¹² Об этом писал Ю. В. Пуцаев; см. Пуцаев (2020).

¹³ Эти сочинения подвергнуты глубокому анализу в работах Е. А. Тахо-Годи. См. её диссертацию: (Тахо-Годи 2004).

Особенно показателен в этом отношении философский диалог «Из разговоров на Беломорстрое». Перед нами — классический платонический диалог, но действие происходит не в знойной Греции за амфорами вина, а в советском трудовом лагере, на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Его участники — заключённые инженеры, проектировщики, техники, чертёжники, которые могут позволить себе разве что крепкий чёрный чай. Собрались они на терраске, после трудового дня (символично время действия диалога — 1 мая, ведь май — ещё и месяц, когда родился Платон и когда греки устраивали празднества в честь Аполлона). Один из главных участников беседы — Николай Владимирович Вершинин, в котором легко угадывается альтер эго Лосева. Вершинин «сидит» за «вредительство», исполняет обязанности экономиста-счетовода (чем сам Лосев занимался в лагере). Автор подчёркивает сходство Вершинина с собой, вкладывая ему в уста рассуждения о диалектической противоположности социализма и капитализма (Лосев 2002: 468), подобные тем, что мы находим в «Дополнении к “«Диалектике мифа”». Также важно указание автора на то, что Вершинин — не марксист (из всех участников диалога есть только один марксист — Поликарп Алексеевич Абрамов). И вот именно Вершинин произносит искренний и страстный панегирик в честь Советского Союза! Приведём его полностью, поскольку он очень важен для понимания изменения взглядов Лосева после лагеря: «Если вы хотите найти сейчас в мире место, где ещё не заглох идеализм, где существует подлинная духовная жизнь с её творчеством, с её падениями и с её взлётами, то это — СССР. Культурный мир погряз в мещанстве, в материальных интересах, в заботах об удобствах жизни. Ни одна страна не переживает тех конфликтов и тех свершений, которые творятся у нас. Америка слишком материалистична, чтобы допустить у себя роскошь коммунизма, западный человек слишком любит тёплое, спокойное местечко, чтобы решиться поднять на своих хилых плечах всю тяжесть нового переустройства жизни. Под влиянием пережитого и переживаемого каждый мещанин у нас мудрее Канта и Гегеля; и никакому западному профессору философии и не снилась та глубина проблем, которая ежедневно, ежеминутно открыта перед взором нашего последнего простолюдина. Нужно быть слишком искренним романтиком, слишком самоотверженным человеком, чтобы жить у нас в унисон с эпохой. У нас разрушены наши старые гнёзда, и бытовые, и идеологические; каждый

из нас плывёт над бушующей бездной истории, могущий каждую секунду погибнуть и каждую секунду быть вознесённым к самому кормилу власти. Это даёт нам знание, которое неведомо никаким мещанам мира, какие бы кафедры они ни занимали на Западе. Мы перенесли голод, холод, кровавые гражданские войны и несём ещё и теперь тяготу повседневной борьбы за торжество нашей идеи. Только мы — не мещане, и только у нас — настоящая духовная жизнь, ибо духовная жизнь есть не рассуждение, а жертва, жертва всем ради идеи, СССР — столп и утверждение мирового идеализма» (Лосев 2002: 450–451).

Разумеется, для идеалиста Вершинина (и скрывающегося под этой маской Лосева) это — высшая похвала Советскому Союзу и советскому социализму (к которым, заметим, он по-прежнему относится не абсолютно апологетически, а, напротив, в целом и преимущественно критически) и возможность хотя бы отчасти, пусть с оговорками, не изменяя своей философской позиции, признать его.

Однако это признание ничего бы не стоило, если бы не сопровождалось и определённым признанием вождя советского социализма — Сталина. И в этом неподцензурном, выражающем потаённые и задушевные мысли диалоге Лосева мы находим и своеобразный панегирик Сталину! Произносит его марксист Абрамов, но показательно, что произносит, используя идеи Вершинина (и Лосева!) о том, что при социализме коллектив безличностен, ибо полное развитие индивидуальной личности наблюдается лишь при либеральном капитализме, а социализм — строй абсолютного коллективизма. «Мы — коллектив, а коллектив — внеличностен, — говорит Абрамов. — Где же тот наш ощущающий центр, где мы не просто внеличны, но где мы как живая жизнь и ощущаем, и действуем лично?... Где тот мозг, то сердце, тот живой организм, который ориентирует нас в мире и в жизни?.. Эта живая индивидуальность есть наш вождь... Или доверие вождю, или мы — в объятьях капитализма» (Лосев 2002: 474). И сразу же после слов Абрамова — авторская ремарка: «Все присутствующие встали, и началась овация по адресу Сталина» (Лосев 2002: 474).

Заметим, что среди аплодирующих — и Николай Владимирович Вершинин (альтер эго Лосева). Он продолжает помнить, что Сталин — тиран, что большевики разрушали церкви и расстреливали священников, что сам он вместо своего учёного кабинета с книгами и картинами по воле сталинской власти оказался в лагерном бараке. Он ничего

из этого не забыл и, как и прежде, осуждает разрушительность революции, богоборчество этой власти. Но он искренне аплодирует Сталину — как спасителю России от капитализма!¹⁴

В этом и состоит секрет советского консерватизма Лосева (теперь уже с логическим ударением на первом слове). Мы его суть понимаем так: вернуть феодализм не удалось. Весь мир идёт к социализму. Россия, СССР оказались в авангарде этого движения. Теперь вернуться можно только к капитализму, да и ещё к капитализму дряхлому, больному, загнивающему. Время юности капитализма, когда он порождает пышный цвет культуры вроде симфонической музыки и трансцендентальной философии, безвозвратно прошло. А вот эра мирового социализма только начинается. Социализм ещё полон идеализма, духовной жизни «с её творчеством, с её падениями и с её взлётами».

Разумеется, христианин не может примириться с социализмом доктринально. Вся свою жизнь Лосев отстаивал позицию, что «христианский социализм» — противоречие в определении. Позднее в беседах со своим секретарём Бибихиным Лосев с жаром говорил: «Я Маркса и Ленина цитирую. Но сказать, что всё сводится на экономику, что мысль есть истечение мозга как Сталин, — этого у меня ты не найдёшь!.. Православная церковь не надстройка над социализмом» (Бибахин 2006: 106). Христианский консерватор может только считаться с победой социализма как явления диалектики жизни, находить в нём искажённые истинные формы социального бытия, пытаться использовать их для утверждения мировоззрения, которое он считает единственно правильным. И должен понимать, что назад пути нет, что позади — только тлен капитализма, разращение личности буржуазным пониманием свободы, яд либеральной культуры, которая формально не встаёт против Церкви, позволяет ей действовать, но разрушает души людей таким образом, что они уже сами не хотят идти в эту действующую церковь...

Это убеждение Лосев сохранил до конца своих дней. В беседах с писателем Ерофеевым за год-два до своей смерти Алексей Фёдорович Лосев говорил то же самое: «Куда дальше движется человечество? А дальше идёт то, что противоположно индивидуализму. А именно, общественность

¹⁴ В свете этого по-иному видится рассказ В. В. Бибахина, который пересказывал в своём ЖЖ диакон Андрей Кураев, — о том, что Бибахин в бытность секретарём Лосева нашёл в бумагах философа восхваления Сталину и цитаты из его работ на древнегреческом. Понятно, что Лосев писал это для себя, ведь никто, кроме него и его ближайших учеников, прочитать это не мог.

и коллективизм. То есть социализм. Он стоит на очереди после индивидуализма. Что противоположно индивидуализму? Коллективизм. Конечно, такой коллективизм, который не подавляет личность, а помогает ей развиваться, предоставляет ей возможности и стимулы для самораскрытия. Важно и то, как он может проявляться, в каких видах. Но то, что коллективизм — требование времени, это для меня ясно. Ясно также, что индивидуализм эта великая культура последних пятисот лет прошла или проходит. Теперь наступает новая эпоха» (Лосев 1990: 67).

Беседы предназначались для печати, поэтому Лосев здесь осторожничает, он умалчивает о своём тезисе о внеличности коллектива и о том, какую личность не подавляет социализм и «помогает ей развиваться» (возможно, речь идёт лишь о личности вождя, воплощающей весь коллектив и управляющей им). Но в своей уверенности в победе мирового социализма Лосев вполне искренен.

Старый философ не дожил до падения СССР. Мы теперь можем только гадать, как бы он отнёсся к этому событию. Но можно не сомневаться, что тот либерально-капиталистический разор, эра торжествующего буржуа-мещанина, которая наступила после этого, у Лосева не вызвали бы ни малейшего сочувствия. Всю свою жизнь Лосев боролся с либерализмом и мещанством и видел в них наиболее отвратительные проявления человеческой культуры и природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бибихин В. В. Алексей Фёдорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. — М. : Ин-т философии, теологии истории им. Св. Фомы, 2006. — 416 с.

Бойко П. Е. О социально-исторической природе абсолютной мифологии А. Ф. Лосева // Образ мира — структура и целое: Лосевские чтения. Москва, 19–23 октября 1998 года. — М. : Логос, 1999. — С. 59–61.

Даренский В. Ю. Феодализм как вершина мировой истории в историософии А. Ф. Лосева // Наука. Искусство. Культура. — 2019. — 1(21). — С. 47–55.

Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век». — М. : Время, 2002. — Т. 1. — 573 с.

Лосев А. Ф. В поисках смысла (Из бесед и воспоминаний) // Страсть к диалектике: лит. размышления философа / А. Ф. Лосев. — М. : Советский писатель, 1990. — С. 14–67.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» / новое академ. изд., испр. и доп. — М. : Издательский дом ЯСК, 2021. — 695 с.

Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. — М. : Мысль, 1993. — 962 с.

Пуцаев Ю. В. Проблема амбивалентности в отношении А. Ф. Лосева к советскому режиму // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. — 2020. — № 1. — С. 43–51.

Тахо-Годи А. А. Лосев. — М. : Молодая гвардия, 2007. — 534 с.

Тахо-Годи Е. А. Художественный мир прозы Лосева и его истоки: дис. ... доктора филол. наук. — М., 2004. — 461 с.

Циплаков Г. М. Тема истории в философском творчестве А. Ф. Лосева // Человек. — 2001. — № 1. — С. 48–62.

Сведения об авторе:

Вахитов Рустем Ринатович — кандидат философских наук, доцент факультета философии и социологии Уфимского университета наук и технологий, 450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 15.12.2022.

Losev's Integral Religious-Monarchical Conservatism. (Essays on the Conservative Thought in the USSR)

R. R. Vakhitov

UFA UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY,
UFA, RUSSIA

Abstract. The paper examines the biography and ideas of Aleksei Fedorovich Losev, the last classical philosopher of the Silver Age, who created the Orthodox Neoplatonism. In his historical doctrine, the terms “formation”, “feudalism”, “capitalism”, “socialism”, and “anarchy” are used in a specific sense, different from the Marxist one. Losev’s formations are based on the myth in the author’s own interpretation. Feudalism was marked by the domination of the theocratic myth and was the highest point of human development, according to Losev, an Orthodox conservative monarchist. Capitalism makes a fetish of the individual human personality, while socialism is centered on the labour and the labour collective. Anarchy brings “hell on earth”. However, socialism, being the antithesis of capitalism, distorts the feudal authoritarianism in its own way, which cannot but arouse some sympathy in the philosopher, notwithstanding a generally negative assessment thereof. Such were the views of the young Losev, who boldly criticized socialism from a religiously conservative position and, apparently, still hoped for the revival of feudalism. In the 1930s, Losev’s position began to change. He partly reconciled with the Soviet government, remaining aware of its negative traits, and emphasized the positive aspects of socialism. In our opinion, the reason for this was the understanding that a return was possible only to

capitalism and liberalism, that is, to philistinism, which Losev always opposed.

Keywords: A. F. Losev, philosophy of history, feudalism, capitalism, socialism, anarchy, authoritarianism, socialism, Soviet conservatism

For citation: Vakhitov, R.R. (2022). Losev's Integral Religious-Monarchical Conservatism. (Essays on the Conservative Thought in the USSR). *Orthodoxia*, (4), 52–76. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-52-76

REFERENCES:

Bibikhin, V.V. (2006). *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev*. Moscow: Institut filosofii, teologii istorii im. Sv. Fomy. [In Russian].

Boiko, P.E. (1999). O sotsial'no-istoricheskoi prirode absolutnoi mifologii A. F. Loseva [On the Socio-Historical Nature of the Absolute Mythology of A. F. Losev]. In *Obraz mira — struktura i tseloe: Losevskie chteniia. Moskva, 19–23 oktiabria 1998 goda* [Image of the World — Structure and the Whole: Losev Readings. Moscow, October 19–23, 1998] (pp. 59–61). Moscow: Logos. [In Russian].

Darenskiy, V.Iu. (1999). Feodalizm kak vershina mirovoi istorii v istoriosofii A. F. Loseva [Feudalism as the Pinnacle of World History in the Historiosophy of A. F. Losev]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 21(1), 47–55. [In Russian].

Losev, A. F. (1990). V poiskakh smysla (Iz besed i vospominanii) [In Search of Meaning (From Conversations and Memories)]. In *Strast' k dialektike: lit. razmyshleniia filosofa* [Passion for Dialectics: Literary Reflections of a Philosopher] (pp. 14–67). Moscow: Sovetskii pisatel'. [In Russian].

Losev, A. F. (1993). *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl'. [In Russian].

Losev, A. F. (2002). «*Ia soslan v XX vek*» [“I Was Exiled to the Twentieth Century.”] (Vol. 1). Moscow: Vremya. [In Russian].

Losev, A. F. (2021). *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» / novoe akadem. izd., ispr. i dop.* [The Dialectic of Myth. Supplement to the “Dialectic of Myth”: A New Academic Edition, Corrected and Enlarged]. Moscow: Izdatel'skii dom IaSK. [In Russian].

Pushchaev, Iu. V. (2020). Problema ambivalentnosti v otnoshenii A. F. Loseva k sovetskomu rezhimu [The Problem of Ambivalence in Relation of A. F. Losev to the Soviet Regime]. *Sotsial'nye i gumanitarnye*

nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 3, Filosofii: Referativnyi zhurnal, 1, 43–51. [In Russian].

Takho-Godi, A.A. (2007). *Losev*. Moscow: Molodaia gvardiia. [In Russian].

Takho-Godi, E. A. (2004). *Khudozhestvennyi mir prozy Loseva i ego istoki* [The Artistic World of Losev's Prose and Its Origins] [Dissertation of Doctor of Letters]. Moscow. [In Russian].

Tsiplakov, G.M. (2001). Tema istorii v filosofskom tvorchestve A.F. Loseva [History Theme in the Philosophical Work of A. F. Losev]. *Chelovek*, 1, 48–62. [In Russian].

About the author:

Rustem Rinatovich Vakhitov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi street, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450076, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 04.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 15.12.2022.